

5
СТР.

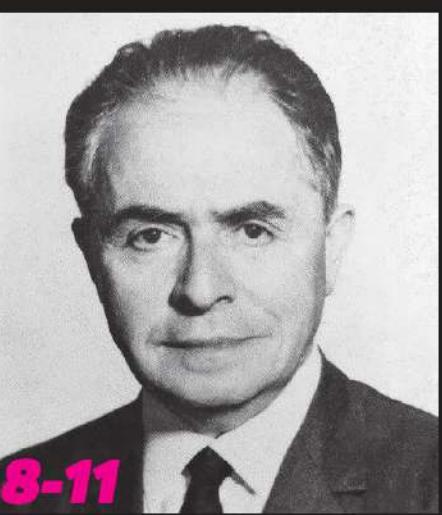
**НАША
НЮСЯ**

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

ДВА НЕЛЕГАЛА

стр. 8-11

№16 (45)
АПРЕЛЬ 2021

Б

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

**Бульварные
новости**

стр. 14-16

**СВЕТЛЫЙ ПУТЬ
«ГОРНИЦЫ»**

**У ЛЕОНИДА
УТЁСОВА, ТАКИ ДА,
ЕСТЬ НАСЛЕДНИК**

стр. 12-13

Донац Банионис, 1974 год

ДВА НЕЛЕГАЛА

Конон Молодой

Геннадий Норд

Об этом человеке мне впервые рассказал Донац Банионис. Именно он консультировал артиста во время съемок фильма «Мертвый сезон». Потому, что Банионис как раз играл его — сэра Гордона Лонсдейла или советского разведчика Конона Молодого. Двухсерийный детектив «Мертвый сезон» стал настоящей бомбой в прокате и самой первой картиной, рассказывающей о деятельности советской разведки в годы холодной войны.

23 марта 1961 года в Лондоне завершился судебный процесс по «портлендскому делу», основным из действующих лиц которого, являлся крупный канадский бизнесмен Гордон Лонсдейл, получивший в свое время от королевы Великобритании титул сэра. Приговор — 25 лет тюремы.

В те времена его имя не сходило с первых полос английских и американских газет. Но только спустя много лет стало известно, что под этим именем в Англии работал кадровый советский разведчик-нелегал полковник Конон Трофимович Молодой.

С 1955 по 1961 год он возглавлял в этой стране нелегальную резидентуру.

Молодой родился 17 января 1922 года в Москве в семье научных работников. Отец преподавал в Московском государственном университете и Московском высшем техническом училище, заведовал сектором научной периодики в Госиздате. Мать — хирург общего профиля, во время Великой Отечествен-

ной и за немца, славянина или француза.

В 1954-м Конон, оперативный псевдоним Бен, нелегально был выведен в Канаду, а затем с документами на имя канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла переехал в Англию, где возглавил нелегальную резидентуру. В то время ставились задачи добывания документальных материалов по важнейшим открытиям и военным изобретениям в области атомной энергии, реактивной техники, радиолокации и образцов новейшей техники.

В Лондоне Молодого свели со связниками-радистами Моррисом и Лентиной Коэнами — оперативные псевдонимы: Питер и Хелен Крогеры или Луис и Лесли. Они поделились с ним большим опытом разведывательной работы, натаскали по-английски.

Коэны внесли свой значительный вклад в установление ядерного паритета и делали все возможное, чтобы холодная война не переросла в «горячую». Основной же задачей супружеской пары являлось обеспечение надежной радиосвязью с Центром. Крогеры удачно арендовали загородный дом недалеко от Лондона в местечке Румсли и оборудовали в нем радиоквартиру.

По первоначальной легенде разведчик прибыл в Англию для учебы в Лондонском университете, успешно сдал экзамены и был зачислен студентом на восточный факультет. Было известно, что там функционировала группа «переростков», в которой негласно проходили обучение редким языкам сотрудники МИД, офицеры английской и американской разведок, которым предстояло работать в странах Востока. В задачу Молодого — Бена входило выявление из числа студентов сотрудников западных спецслужб, сбор анкетных данных и изучение их личных качеств.

И тут помогла смекалка. Англичане очень любили пиво. В процессе ежедневного посещения пивной Молодой многое узнавал о своих однокурсниках и сумел завязать отношения почти со всеми. А его хобби было фотографирование, поэтому легко удалось сделать снимки всех лиц.

Однако у Бена были и другие задачи. В 1955-м он стал компаньоном владельца фабрики по производству автоматов для продажи жевательной резинки. Как бизнесмен много ездил по странам Европы, где заключал контракты, однако в реальности он создавал агентурную сеть. Бен оказался талантливым предпринимателем — уже через пару лет стал состоятельным человеком, что позволило ему завязать новые знакомства. Зарыбывающиеся деньги ему вполне хватало на то, чтобы обеспечивать свое безбедное существование и расходовать средства на оперативные нужды, в частности, на агентуру.

Его резидентура в течение пяти лет успешно добывала весьма ценную секретную информацию адмиралтейства Великобритании и Военно-морских сил НАТО, касающуюся, в частности, английских программ разработки вооружений, в том числе ракетного.

Активизация работы по этой теме произошла после того, как в резидентуре всплыл ценный источник Гарри Хаутон, оперативный псевдоним Шах. Он был за-

ведущим отделом гражданских служащих военно-морской базы в Портленде, где располагался секретный Королевский научно-исследовательский центр ВМС. Так Советский Союз получил доступ к секретным документам ВМС Великобритании.

В начале 1959 года с помощью Хаутона был приобретен новый источник информации по морской тематике — Этель Элизабет Джи, оперативный псевдоним Аси. Она находилась на государственной службе в Портлендском центре, имела доступ практически ко всем секретным документам и могла свободно снимать с них копии.

За время сотрудничества Шаха и Аси с советской внешней разведкой от них было получено несколько тысяч совершенно секретных и конфиденциальных документальных материалов английского адмиралтейства и его научных центров общим объемом выше 17000 листов. Полученные материалы давали полную картину состояния британского Военно-морского флота, его боевых возможностей, перспектив развития плавучих средств и вооружений.

Как потом писали английские газеты, Москва знала о подводном флоте Великобритании не меньше, чем сама королева Елизавета. Полученные данные направляли в институты, в конструкторские бюро, активно внедряли в жизнь. Скажем, целая серия советских эхолотов была сделана на основе английских.

Как правило, получив материалы, Бен оставлял агента в городе в каком-нибудь ресторане, а сам сразу же отвозил документы Крогерам-Коэнам, которые их фотографировали. Подлинники возвращались агенту, а Крогеры проявляли пленки. Затем они печатались и переводились в десятки микроточек, каждая из которых подклеивалась в книги или журналы, а то и под марки на конвертах для отправки в Центр.

В конце 1958 года на связь Молодому был передан важный источник «К». Помимо военно-морской проблематики нелегальная резидентура вели активную работу по объектам в городе Портоне рядом с городом Солсбери, где находился Центр по изучению биологических методов ведения войны. Еще в годы Первой мировой войны там разрабатывали химическое оружие, а 1950-е и биологическое. По имеющимся данным с 1945 года там работали гитлеровские учёные и специалисты, и Бену ставилась задача получить информацию о создании ими «особо смертоносного вещества», 200 граммов которого достаточно для того, чтобы умертвить население земного шара.

Вскоре в резидентуре были собраны подробные досье на многих сотрудников Портонского центра, и даже удалось заполучить штаммы смертоносных бактерий. Кроме того, имелась подробная информация, относящаяся к разработкам газа CS, который американцы использовали во время войны во Вьетнаме. За успешную работу с Коэнами в 1960 году Молодой ходатайствовал в Центр о предоставлении им советского гражданства. Москва одобрила.

В 1960 году Молодой попал в поле зрения местной контрразведки. Англичане пасли резидентуру семь месяцев, дей-

Гордон Лонсдейл (Конон Молодой) во время учебы в Лондонском университете в своей квартире, 1955 год

Центр исследований отравляющих веществ Портон-Даун

стуя очень уверенно. Уже зная об истинном лице Лонсдейла, они выпустили его летом 1960-го в отпуск на континент. Именно тогда контрразведчики залезали в его портфель. Они не сомневались, что Лонсдейл вернется обратно. Откуда такая уверенность? Ну, во-первых, операция контрразведки — это всегда игра, всегда некий риск. Во-вторых, они понимали, что ни с того, ни с сего уходить Лонсдейл не станет. И в-третьих, брать его все равно было рано. Им нужно было выявить связи, собрать необходимые доказательства вины. И риск себя оправдал.

Накануне Нового года Лонсдейл сумел предупредить Кротеров-Кознов об опасности. Он сообщил супругам о временному свертывании разведывательной работы по причине очевидно ведущейся за них слежки.

В одном из донесений сотрудников наружного наблюдения генеральному директору МИ6 сообщалось: «Сотрудниками Скотленд-Ярда зафиксирована подозрительная встреча Хаутона — Шаха на Ватерлоо-роуд с неизвестным лицом, которому он передал пакет в целлофановой сумке, а в обмен получил конверт размером 4x3 дюйма. Связь Хаутона была взята нами под наблюдение. Впоследствии было установлено: неизвестным лицом является сэр Гордон Арнольд Лонсдейл — крупный бизнесмен, один из директоров фирмы «Мастер Свич и компании», владелец, богатой загородной виллы и около десятка личных номеров в лучших отелях Лондона. Лонсдейл — милиционер, пользуется услугами отделения «Мидленд Банка» на Грейт-Портленд-стрит с правом получения любых кредитов. Имеет персональную ложу в крупнейшем концертном зале Лондона Альберт-холл. Титул «сэр» ему похалован лично Ее Величеством королевой за то, что он «прославил Великобританию на международной выставке в Брюсселе».

К этому времени уже были взяты Шах и Аса. Под давлением они согласились сдать своего хозяина в обмен на смягчение приговора. На встречу с Лонсдейлом 7 января 1961-го они прибыли вместе, и в момент передачи ему сведений о военных кораблях и чертежей конструкций узлов атомной подводки его взяли английские спецслужбы. Двумя часами позже была проведена операция по аресту супружеской пары Кротеров и изъята вся их спецаппаратура на конспиративной квартире. Впоследствии их приговорили к 20 годам тюремного заключения, но в 1969-м обменяли на арестованного в СССР агента английской разведки МИ6 Джеральда Брука.

Однако все усилия МИ6 выявить других агентов Бена успехом не увенчались. Он сумел не выдать и сохранить большую часть английской резидентуры.

«Истинная драматургия нашей работы заключается не в таинственной атрибутике, а в чрезвычайно опасной сути всей нашей деятельности за границей, поскольку все мы знаем, что если провал, пошады нам не будет», — говорил Молодый.

Надо отметить, что провал произошел еще и в результате предательства одного из руководящих сотрудников польской разведки полковника Михаила Голеневского, оперативный псевдоним Снайпер, который бежал в США и сообщил американским спецслужбам известные ему сведения относительно деятельности советской разведки в Великобритании. Перебежчику американцы дали высокую должность в ЦРУ.

Предательство Снайпера нанесло советской внешней разведке огромный урон, который привел к провалу нелегальной резидентуры в Англии и потере важных позиций в британской внешней разведке МИ6, которые занимал тогда другой наш разведчик — Джордж Блейк. Кроме того, был арестован еще один советский агент — Хайнц Фельфе, благодаря которому на протяжении сорока лет все скрепы разведки ФРГ становились известны Лубянке.

В 1964-м было достигнуто соглашение об обмене Гордона Лонсдейла на сотрудника английской секретной службы МИ6 Гревилла Винна, который был приворожен в Москве к восьми годам лишения свободы. 22 апреля в 5:30 утра на КПП Штаакен, который располагался на внешнем ободе Западного Берлина по дороге №25, состоялся знаменитый обмен. Эта сцена хорошо была показана в фильме «Мертвый сезон». Обмен прошел без происшествий и без посторонних зрителей, так как дорога была перекрыта.

В 1964–1970 годах Молодый работал в Москве в центральном аппарате внешней разведки. Что касается Хаутона и Джи, то в 1970 году они были освобождены и вскоре погибли.

Джордж Блейк написал: «Лонсдейл был так называемым тайным резидентом. Я всегда относился с огромным уважением к этой категории разведчиков, ведь их работа требует высочайшего профессионализма. Им приходится настолько сживаться со своей легендой, чтобы они становятся воистину другими людьми. Отказавшись от всего личного, они полностью отдаются работе, рискуя свободой, а иногда и жизнью каждый раз, когда пытаются завербовать нового агента или идут на тайные встречи. Лишь человек, свято верящий в идею и служащий великому делу, может согласиться на такую работу, хотя, скорее всего, здесь больше подошло бы слово «привлечение».

За несколько дней до смерти, словно чувствуя ее приближение, Конон сказал жене в минуту редкого для разведчика откровения: «Знаешь, Гала, если бы мне сейчас дали задание и документы, я, несмотря на все пережитое, опять поехал бы в какую-нибудь страну, но с моих пальцев, Гала, там уже взяли отпечатки...»

Окончание на с. 10-11

Могила Конона Молодого

Председатель КГБ Владимир Семичастный (1-й слева) принимает советских разведчиков Рудольфа Абеля (2-й слева) и Конона Молодого (2-й справа). Москва, сентябрь, 1964 год

Окончание. Начало на с.8-9

Полковник Молодый скончался в Подмосковье от инсульта 9 октября 1970 года. За достигнутые результаты в разведывательной деятельности Конон Трофимович был награжден орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I и II степеней, Красной Звезды, многими медалями.

Узнав, кто являлся прототипом разведчика в фильме «Мертвый сезон», я задумался над тем, с кого же Юlian Семенов написал Штирлица. Мы на эту тему много говорили с Леонидом Сергеевичем Броневым. Предполагалось, что образ Максима Максимовича Исаева Семенов списывал с таких знаменитых советских разведчиков, как Анатолий Гуревич, Александр Коротков, Вильгельм Леман, Михаил Михалков, Исаия Боровой, Норман Бородин и даже Яков Блюмкин.

В начале восьмидесятых мне надо было срочно перевести на английский очень важный патентный документ. И друзья привели меня в здание ТАСС к очень скромному симпатичному, но ничем не примечательному дядечке, который за двадцать минут перевел сложнейший текст с массой терминов.

Кто бы мог тогда подумать, что этот ничем не примечательный дядечка есть крупнейший наш разведчик, который и стал прообразом незабвенного Штирлица.

Ян Петрович Черняк.

9 февраля 1995 года начальник Генерального штаба Вооруженных сил России генерал армии Михаил Колесников вместе с начальником ГРУ ГШ генерал-полковником Федором Лодыгина, за десять дней до смерти разведчика, привнес в Большничью палату Яну Черняку золотую звезду Героя, называя его «настоящим Штирлицем», который с 1930 по 1945 год «работал там же, где и Максим Исаев».

Впрочем, в отличие от Штирлица, Ян Петрович Черняк ни одного дня не служил в немецкой армии, а из-за неарийского происхождения не мог даже мечтать о том, чтобы сделать там карьеру и войти в руководящий состав гитлеровского Вермахта. Но, тем не менее, у него были там свои информаторы. И не только там. Многие уверяют, что его агентом была даже Марика Рёкк — любимая актриса Гитлера.

И, конечно, сделал Черняк, неизмеримо больше, чем литературно-киношный персонаж Юлиана Семенова. Тем более, что вольно или невольно, тоже внес свой вклад в создание этой книги и фильма.

**Моррис и Леонтина Коены
после освобождения из
тюрьмы в Великобритании,
4 октября 1969 года**

В то время, когда его имя и разведывательное прошлое было государственной тайной, а о его необычайной биографии знали крайне ограниченный круг лиц и не догадывались даже жена и сослуживцы по отделу переводов Главной редакции иностранной информации ТАСС, он консультировал писателя по многим эпизодам будущего популярного издания.

Если бы перечислить все, что пишут о Черняке в различных публикациях, и то, что было им сделано за годы нелегальной работы за рубежом, то сюжетов наберется еще, как минимум, на десяток не менее популярных повестей, чем произведение Юлиана Семенова о Максиме Исаеве.

Только за предвоенное время с 1936 по 1939 год за короткие наезды в Германию Черняк создал там мощную разведывательную сеть, носившую кодовое наименование «Крона». Он сумел завербовать свыше 20 агентов, работой которых руководил из-за рубежа через связанных.

При этом ни один его агент никогда не был разоблачен гестапо, даже се-

Ян Черняк

годня об абсолютном большинстве из них ничего конкретно не известно. Хотя в числе его информаторов были крупный банкир, секретарь министра, глава исследовательского отдела авиационного конструкторского бюро, дочь начальника танкового конструкторского бюро, высокопоставленные военные. А одним из агентов, кроме Марии Рёкк, была еще одна любимая актриса фюрера — Ольга Чехова.

Агентам Черняка удалось в 1941 году добыть копию плана «Барбаросса», а в 1943 году — оперативный план немецкого наступления под Курском. И если в первом случае в Москве не придали должного значения уникальным документам, присланым нелегалом, то в сорок третьем году его многосторонние донесения послужили добрым подспорьем для подготовки разгрома фашистских войск под Белгородом и Курском и для создания решающего перелома в Великой Отечественной войне.

Кроме этого, Черняк передавал в СССР ценную техническую информацию о танках, в том числе о «Тиграх» и «Пантерах», артиллерийских орудиях, по реактивному вооружению, по ракетам «Фау-1» и «Фау-2», разработкам химического оружия, радиоэлектронным системам.

Выдающийся советский ученый и инженер-конструктор, академик и адмирал Аксель Берг говорил, что в создании отечественной системы радиолокации, внесшей вклад в защиту неба Москвы от фашистских бомбардировщиков, ему очень помогли материалы о самых передовых западных разработках, добывших перед войной советскими разведчиками. Адмирал не знал, что одним из них был вольнонаемный ГРУ Ян Черняк. Только в 1944 году Черняк переслал в страну свыше 12500 листов технической документации и 60 образцов радиоаппаратуры. Ветераны Главного разведуправления уверяют, что разведесьть, созданная Черняком, была одной из лучших в истории разведки — в ней не было ни одного провала за полтора десятка лет его работы за рубежом.

Внес большой вклад Черняк и в создание советского атомного оружия. Информацию об этих работах он добывал в Великобритании, а потом, переехав по заданию своего руководства в Канаду и США, пересыпал в Союз тысячи листов материалов об американском ядерном оружии и даже несколько миллиграммов урана-235, который идет на изготовление атомной бомбы.

Улица в Лондоне

Почему гитлеровская контрразведка не без труда, не без ошибок с нашей стороны сумела обнаружить, разоблачить и полностью арестовать всех участников советской разведывательной сети, которую гестаповцы называли «Красная капелла» и которой руководили Леопольд Треппер и Анатолий Гуревич? Почему ликвидировали агентуру еще одной разведывательной сети «Красная тройка», которую возглавлял венгерский географ и картограф Шандор Радо? Но на информаторов «Кроны» выйти так и не смогла. Не смогла идентифицировать ее руководителя Ян Черняк, которого называли «человеком без тени». Он нигде никогда не оставил за собой следов.

Родился Ян Черняк в семье мелкого еврейского торговца, женатого на еврейке из Венгрии. Родители Яна пропали в пучине первой мировой войны. И сироту в шестилетнем возрасте определили в детский дом в Кошице. А в родных местах Черняка, в Северной Буковине, входившей тогда в Австро-Венгрию, проживало очень много представителей самых разных национальностей — украинцы, венгры, румыны, евреи, чехи, словаки, русины, немцы, которых здесь называли «штабы», сербы и даже австрийцы.

Мешанина народов и мешанина языков позволяли маленькому и очень соразмерительному мальчику впитывать их в себя, как в губку. В шестнадцать лет он уже говорил на шести языках: на немецком и идиш, чешском, венгерском, румынском и украинском, а когда поступил в Пражское высшее техническое училище, стал усиленно изучать английский.

После окончания Пражского училища с 1931 по 1933 год работал инженером-экономистом на небольшом заводе «Праггер Электромоторенверке». А потом, когда связи с мировым экономическим кризисом завод закрылся, был два года безработным и зарабатывал себе на жизнь частными уроками английского языка.

Говорят, что в эти же годы он служил в румынской армии в штабе кавалерийского полка в звании сержанта, имел доступ к секретным документам и передавал их содержание в Советский Союз.

Уволившись из армии, Черняк жил в Германии, где создал разведгруппу, прообраз будущей «Кроны». А в 1935–1936 годах учился в разведшколе в СССР под руководством Артура Артурова, бывшего руководителя Иностранного отдела ОГПУ-НКВД, в то время заместителя начальника Четвертого разведывательного управления Генерального штаба Красной армии. А затем выехал в Швейцарию под видом корреспондента ТАСС с оперативным псевдонимом «Джен». И с 1938 года после Минхенского соглашения проживал в Париже, а с 1940 года — в Лондоне.

С началом Великой Отечественной войны и нападения германских войск на СССР начал активную работу в тылу врага, где выполнял особые задания советского командования. В декабре 1945 года приехал в Москву и в мае 1946 года получил советское гражданство. С мая 1946 года по февраль 1950 года работал референтом отдела Главного управления Генштаба Вооруженных сил СССР.

Где тут правда, а где легенда, кого-то имели и имеют все разведчики-нелегалы, можно только догадываться. В публикациях о Черняке, которые вышли в свет после его смерти, много противоречий с его собственной биографией и анкетой, которые он написал своей рукой, когда поступил на работу в информационное агентство ТАСС.

В анкете отдела кадров написано, что он никогда не изменял своей фамилии. Однако, он имел несколько паспортов разных стран на разные фамилии людей с разными биографиями и держал эти биографии в своей голове так надежно, что когда его кто-либо разбудил бы где-то в Швейцарии или Англии среди ночи, он на чистейшем французском, который тоже изучил в тридцатые годы, или на английском без запинки рассказал бы свою выдуманную биографию, ни разу не сбившись и не перепутав даты, города и улицы, на которых когда-то где-то проживал.

Ян Черняк

А еще он обладал поистине звериной интуицией, никогда не ошибался в одном и том же месте больше недели, постоянно переезжал с места на место в различные районы города или в другие страны. Можно было позавидовать и его гип-

уже в 1958 году. За что? Вопрос на за- сыпку. Известно, что время от времени, когда работал в информационном агентстве ТАСС с 1950 года по 1957-й внештатным переводчиком, а потом до 1969 года и в штате тоже переводчиком, затем старшим переводчиком с английского и немецкого в Управлении иностранной информации ТАСС, он выезжал за рубеж. Но куда и зачем — тоже секрет. Не исключено, навестить своих информаторов или тех, кто их тогда заменил. Или для выполнения других особенно деликатных заданий.

Вот что интересно: многие советские разведчики-нелегалы, вернувшись после окончания войны в Москву, оказались за решеткой. В их числе и побывавшие до того в застенках гестапо руководители «Красной капеллы» Леопольд Треппер и Анатолий Гуревич, а также, сумевший обмануть фашистов и скрыться в Египте Шандор Радо, его сотрудники НКВД вывезли из Каира. Всем нелегалам вменяли обвинение в измене Родине, а на самом деле возложили на них чужую вину за неудачи начального периода Отечественной войны.

А вот Ян Черняк счастливо избежал и обвинений, и подвалов Lubянки. По- везло?

Вечеслав Тихонов и Ян Черняк

нологическими способностями. Он умел убеждать и находить общий язык с любым человеком, что проявлялось у него при вербовке информаторов. И объяснение этому, наверное, можно найти в сиротском детстве, когда маленькову и не обладавшему большой физической силой мальчишке удавалось легко договариваться с детдомовцами, много старше и понахарягистее его, а то и с уличными хулиганами.

Память у него была феноменальная. Он мог пребежать глазами десять страниц на любом языке мелкого убористого текста и пересказать его слово в слово один к одному с написанным. А еще запоминал 70 предметов в комнате, где находился, и потом мог поставить их на место после того, как кто-то их полностью поменял. Будущую свою жену — студентку медицинского института Тамару Ивановну Петрову он поразил тем, что, сыграв с ней в московском парке Эрмитаж в шахматы, на следующий день принес ей запись этих двух партий, которые он легко запомнил.

В тассовской анкете указывается, что он был награжден медалью «За победу над Германией» и орденом «Трудового Красного Знамени». Правда, орденом

Нет. Просто он был еще востребован. В 1942 году во время пребывания в Лондоне Черняк привлек к работе на советскую разведку английского физика Аллана Нанн Мэя, участвовавшего в программах создания ядерного оружия «Тьюб эллоу» («Трубные сплавы») в Великобритании и в «Манхэттенском проекте» в США. За полгода тестного сотрудничества Мэй передал Черняку документальную информацию об основных направлениях научно-исследовательских работ по урановой проблеме в Кембридже, описание получения плутония, чертежи «уранового котла» и подробно рассказал о принципе его работы. А когда Мэя пригласили продолжить ядерные исследования в канадском Монреале, Черняк по указанию своего руководства последовал за ним.

Это Мэй передал Черняку образцы урана и подробные материалы, касающиеся разработки ядерного оружия США. С сентября 1945 года Мэй жил и работал в Англии, преподавал в Королевском колледже Лондонского университета. Но английские контрразведчики установили за ним слежку и в феврале 1946 года допросили и арестовали.

Могила семьи Черняк

Ученый не был готов к такому повороту в своей судьбе и, что называется, раскололся. Угроза разоблачения нависла, в том числе, и над его куратором.

А Черняк за время нахождения в Канаде сумел наладить и там работу нелегальной резидентуры. Добывая информацию по атомной бомбе, что стало его основной задачей, но не только. На его связи находилось большое количество агентов, в том числе и ученый с мирным именем ныне покойный, но не расскреченный. Агентурная сеть Черняка работала и по многим другим направлениям научно-технической разведки. Работа шла полным ходом, и шла бы, по всей вероятности, еще много лет, если бы не предательство шифровальщика Гузенка.

Яну Черняку пришлось уходить от преследования канадской контрразведки. Вывезли его наши моряки торгового флота. Группа наших моряков поселилась в одну из приморских гостиниц, пригласила девочку, а потом одного из них, полураздетого, в тельняшке и не застегнутой туникой друзья отнесли на руках на судно. Сам он, перебрав виски, иди уже не мог. И полицейский, дежуривший у тронка советского сухогруза, даже не спросил у него документов. Какие могут быть документы у матроса, который лыжа не вяжет? Пусть с ним разбирается собственный капитан.

«Бухого матроса», как говорят, потом сдали с рук на руки большому начальнику, приехавшему к пришвартовавшемуся в Севастополе судну на трофейном «Опель-Адмирале». А с командой взяли подпись о том, что никто ничего и никого постороннего на борту никогда не видел. Захочешь ходить в «загранку» — подпишешь и не такое.

Ян Черняк продолжил службу в ГРУ. Вольнонаемным. За доставленные из США материалы по атомному проекту он не получил никаких наград. Не наказали — и это была большая радость. Потому что могли. Нелегал выступил в защиту резидента военной разведки в Оттаве военного атташе полковника Николая Заботина, который во время службы в Канаде покровительствовал своему шифровальщику — перебежчику Гузенку. А такое не прощается. Заботина посадили. Черняка отодвинули от оперативной работы. Потом потихоньку нашли ему другое применение. Тем более, что к тому времени он блестяще выучил еще один язык — русский.

Ян Черняк

Ян Петрович Черняк проработал в ТАСС почти 19 лет, и ушел на заслуженный отдых, когда ему исполнилось шестьдесят. Правда, пенсию получил персональную. А за те уникальные документы и материалы, которые он передал стране за время своего безвестного проживания за рубежом и которые помогли советскому государству, его ученым и конструкторам создать оружие, надежно защищавшее его национальные интересы — орден «Трудового Красного Знамени». Награда высокая, но, думаю, вряд ли достаточная.

Подвиг, совершенный разведчиком-нелегалом, был оценен по-настоящему только в конце его жизни.

В феврале 1995 года, оставшись после ухода генералов в больничной палате один на один с женой, он очнулся от полузабытия и, склоняя в руке золотую звезду, прошептал:

«Хорошо, что не посмертно».